

Ник ВУЙЧИЧ,
Робин ШАРМА, Стивен ХОКИНГ
и другие...

Уроки счастья от тех, кто умеет жить, несмотря ни на что

Екатерина Александровна Мишаненкова

Уроки счастья от тех, кто умеет жить несмотря ни на что

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6563658

Уроки счастья от тех, кто умеет жить несмотря ни на что : АСТ;

Москва; 2014

ISBN 978-5-17-082566-0

Аннотация

Не секрет, что почти все люди считают себя в той или иной степени несчастными. Одних тяготит бедность, других – болезни, третьих – неудачи в личной жизни. Но как же живут те, чья жизнь сломана обстоятельствами? Люди, прошедшие через такое, что большинству из нас и не снилось. Каждый день преодолевающие себя. Живущие на грани человеческих возможностей. Но при этом они умеют смеяться, любить, работать, да еще и устанавливают спортивные рекорды, которые и здоровым-то не всегда под силу.

В следующий раз, когда вы почувствуете себя несчастным из-за того, что у вас сорвалась встреча, спустило колесо, ботинок промок в луже, начальник накричал по пустяковому поводу, да еще и лишил премии – не расстраивайтесь зря, не тратьте драгоценное время на мелкие обиды. Лучше прочитайте эту

книгу и познакомьтесь с людьми, которые научились быть счастливыми в любых обстоятельствах.

Поверьте, их уроки дорогого стоят.

Содержание

Немного о книге	5
Валентин Дикуль	8
Стиви Уандер	49
Конец ознакомительного фрагмента.	67

**Уроки счастья от
тех, кто умеет жить
несмотря ни на что**
*Ник Вуйчич, Робин Шарма,
Нил Карнеги и другие...*
(сост. Е. Мишаненкова)

Немного о книге

Не секрет, что почти все люди считают себя в той или иной степени несчастными. Одних тяготит бедность, других – болезни, третьих – неудачи в личной жизни. Детей раздражает чрезмерная опека родителей, родители обижаются на неблагодарность отпрысков... У подростка выскочил первый прыщ – он самый несчастный человек в мире, как он покажется перед одноклассниками? Девушка не вышла замуж к тридцати годам – можно надевать траур, ее жизнь кончена.

И даже люди, у которых есть буквально все, что только можно желать, и те находят из-за чего пострадать. Не зря название одной из первых «мыльных опер», показанных в Рос-

сии, стало нарицательным – «Богатые тоже плачут». Причем с этим не поспоришь. Да, плачут все, вне зависимости от возраста, состояния, положения и всего прочего. И каждый в такие моменты себяжаления искренне считает, что он на самом деле несчастнейший человек на земле.

А ведь иногда достаточно просто оглянуться вокруг...

Один знаменитый артист однажды рассказывал, что как-то раз, когда на него свалилось сразу много мелких неприятностей и он был в затяжной депрессии, его вдруг попросили выступить на концерте для спортсменов-инвалидов, уезжающих на Параолимпийские игры.

Домой он вернулся другим человеком. Посмотрел на себя в зеркало и сказал: «Ты считал, у тебя проблемы? Нет у тебя никаких проблем! Живи и радуйся жизни!»

И дело было, конечно, не в том, что он увидел инвалидов, – естественно, он и раньше знал об их существовании. Но он увидел, какие это люди.

Люди, прошедшие через такое, что большинству из нас и не снилось. Каждый день преодолевающие себя. Живущие на грани человеческих возможностей. Но при этом они умеют смеяться, любить, работать, да еще и устанавливают спортивные рекорды, которые и здоровым-то не всегда под силу.

Действительно, достаточно просто оглянуться, чтобы увидеть, как много на свете людей, которые преодолели непреодолимое. Жизнь била и ломала их, а они все равно остались сильными и что еще более удивительно – счастливыми.

Именно таким людям и посвящена книга «Уроки счастья».

В следующий раз, когда вы почувствуете себя несчастным из-за того, что у вас сорвалась встреча, спустило колесо, ботинок промок в луже, начальник накричал по пустяковому поводу, да еще и лишил премии – не расстраивайтесь зря, не тратьте драгоценное время на мелкие обиды. Лучше прочитайте эту книгу и познакомьтесь с людьми, которые научились быть счастливыми в любых обстоятельствах.

Поверьте, их уроки дорогого стоят.

Валентин Дикуль

Нет ничего невозможного – вот девиз моей жизни.

Наверняка все слышали о Валентине Дикуле хотя бы из телерекламы. Но... мало ли сейчас расплодилось медицинских центров, обещающих вылечить от чего угодно за пять минут. Вот и он что-то там обещает, да только можно ли ему верить?

По крайней мере мне не раз приходилось слышать такие слова.

Но стоит посмотреть на список его званий и наград, как уже начинаешь задумываться... За достижения в науке Валентину Дикулю было присуждено звание академика. Он награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалями и грамотами Правительства СССР и России, медалью имени Юрия Гагарина за вклад в развитие космической медицины. Он доктор биологических наук, академик Международной академии информатизации, член Параолимпийского комитета России. Он удостоен премии имени М.В. Ломоносова за выдающийся вклад в развитие науки и образования, награжден Премией Людвига Нобеля за выдающуюся деятельность во благо своей страны и народа. Он руководит двенадцатью клиниками по всему миру и вторым после летчика Маресье-

ва получил медаль «Победивший судьбу».

Так кто же он такой – Валентин Дикуль?

Все зависит только от нас самих. Мы должны управлять своей жизнью сами. Вот мои простые советы: двигайтесь хоть немного, занимайтесь физкультурой, берегите нервы, встречайте новый день с улыбкой и любовью.

Валентин Дикуль родился в литовском городе Каунасе 3 апреля 1948 года. От бабушки он впоследствии узнал, что появился на свет недоношенным и весил чуть больше килограмма. Такие дети редко выживают, однако будущему знаменитому доктору удалось остаться в живых – благодаря любви и заботе родителей его все-таки выносили. Сам он, рассказывая об этом, говорит просто и коротко: «Повезло».

И как показало будущее, повезло не только ему. Трудно представить, сколько людей осталось бы инвалидами, если бы тогда, в далеком 1948 году, не удалось спасти маленького недоношенного мальчика...

Уверен сейчас в одном: вот дай мне вторую жизнь, чтобы заново ее прожить, с самого детства, я бы немного в ней изменил. И, может быть, травму свою оставил. Это когда из-под купола цирка упал на арену и сломал позвоночник.

Такое мое желание трудно и, наверное, даже невозможно понять.

Так вот: чтобы кем-то стать, надо через что-то пройти.

И я, если честно, боюсь остаться без своего сегодняшнего цирка, боюсь, что в другой и более счастливой моей судьбе не буду в состоянии помочь страждущим и обреченным на неподвижность. Впрочем, это так, фантазии.

И все равно, родился я заново, единственное, чего пожелал бы, так это долгих и счастливых лет моим родителям.

Мне иногда кажется, что, доведись испытать в детстве уют и заботу родного дома, я был бы немножко лучше. Просто лучше. И просто счастливее.

Если вы спросите, что я ненавижу в этом мире, отвечу так: войну, одиночество, сиротство, болезнь, ложь и трусость.

Отец Валентина, Иван Григорьевич Дыкуль, был украинец, родом из Иванкова Киевской области. И фамилия его так и звучала – Дыкуль, через «ы». Так же она была написана и в метрике у Валентина. Но он скоро остался сиротой, жил то у бабушки, то в детских домах, вот за это время его фамилия и изменилась. В литовском языке нет звука «ы», зато в Литве традиционно переделывают фамилии на литовский лад. Поэтому в детстве Валентин звался Валентинасом Дидулисом, а когда получал паспорт, произошла обратная русификация, и он стал Дидулем.

Раннее детство у него было обычное, такое же, как у других детей послевоенного времени, – где-то счастливое, где-то тяжелое, где-то даже не совсем детство, ведь жизнь тогда

заставляла рано взрослеть. Но не хуже и не лучше, чем у его друзей, а большего ребенку и не надо. Отец его был военным, «большим, сильным, добрым и веселым человеком», и Валентин его конечно обожал. Мать в его воспоминаниях осталась как худенькая красивая женщина, легкая, порывистая и безумно влюбленная в мужа...

Но детство очень быстро закончилось. Отец Валентина погиб в селе Старовичи под Киевом от бандитской пули, а через какое-то время умерла мать, так и не сумевшая найти в себе силы, чтобы пережить гибель любимого мужа. Перед смертью она повторяла имя сына, как заклинание, а ему в ту ночь приснилось, что она стоит рядом с его кроватью и протягивает к нему руки...

После смерти матери он остался на попечении бабушки. И кстати, еще один странный момент в его биографии – когда спустя много лет Управление КГБ Украины по Киеву и Киевской области все-таки согласилось показать Валентину Дикулю документы, из которых он наконец узнал, где, когда и при каких обстоятельствах погиб его отец, он с изумлением увидел, что по этим документам его самого тоже нет в живых. Там было сказано, что вскоре после смерти матери его убило молнией.

На самом же деле мальчика, которого вот так официально «похоронили», забрала к себе бабушка, и до семи лет он жил у нее. И жилось ему не особо хорошо. Нет, бабушка его любила, но сами времена были нелегкие, а семья у нее бы-

ла слишком большая. Она просто не могла всех одеть и прокормить. И тогда было принято неприятное, но единственно возможное на тот момент решение... Поскольку Валентин был сиротой, государство готово было о нем позаботиться. То есть, принять его в детский дом.

Так в семь лет он стал воспитанником вильнюсского детского дома. И надо сказать, прижился он там достаточно быстро. Кого-нибудь другого государственная забота могла бы озлобить или сломать, но для мальчика с сильным характером такая жесткая и даже жестокая система стала лишь хорошей школой жизни. Вспоминая детдом, Валентин Дикуль отделяет себя от остальных воспитанников лишь в одном – он с девяти лет мечтал работать в цирке. В остальном же он, когда рассказывает о детдоме, говорит не «я», а «мы».

Нас было много – русских, литовцев, украинцев, поляков, евреев. И по большому счету до нас было мало кому дела. Душевных воспитателей можно было пересчитать по пальцам одной руки. Зато в нас с молодых ногтей растили классовое сознание, лепили маленьких пролетариев. Несмотря ни на что. Ибо винтиками мы были мало кому нужными, но крепкими винтиками, закаленными бедой.

В наших детских душах горел огонь самостоятельности и свободы и пылала жажда мести. Каждого из нас коснулся нож войны, который резал по живому. Мы мечтали о суворовском училище, чтобы затем стать офицерами, и если опять начнется война...

Валентин подавал документы в суворовское училище, как и большинство других воспитанников детского дома, но, видимо, его документы не прошли конкурс. Впрочем, он не расстроился, потому что к тому времени уже не хотел никуда, кроме цирка. И даже суворовское училище его уже не прельщало.

Его пылкая свободолюбивая натура требовала чего-то особенного – яркого, трудного, но интересного, куда можно было бы приложить все силы, как физические, так и душевные. Не растрачивать же их только в мальчишеских драках. А дрался он, кстати, часто, потому что вечно рвался кого-нибудь защищать или отстаивать справедливость. Так что с возрастом ему пришлось учиться держать себя в руках и не бросаться сразу в драку, когда кто-то не прав, а сначала воздействовать словами и убеждением. Помогали ему в этом самодисциплина и просто здравый смысл – работа в цирке превратила худого детдомовского мальчишку в настоящего богатыря, от одного щелчка которого из обычного человека мог и дух вылететь.

Но на цирке надо остановиться подробно, ведь вся жизнь Валентина Дикуля, начиная с десяти лет, неразрывно связана с ним.

Была у него в его детдомовском детстве такая «дурная привычка» – постоянно убегать. Не навсегда, не ради того, чтобы скрыться, уехать подальше и никогда не возвращаться, а просто, чтобы глотнуть свободы. Воспитатели это скоро

поняли, поэтому относились к его побегам достаточно спокойно и без особых эмоций сообщали в милицию об очередной пропаже «коренастого, ниже среднего роста, светловолосого Валентинаса Дикулиса, по прозвищу Алик». Правда, это не значит, что его не наказывали – наказывали еще как и с полной строгостью: могли выпороть, лишить ужина или запереть в карцере. Что, впрочем, не мешало ему вскоре снова сбегать.

И вот, когда ему было около десяти лет, во время его очередного побега в Вильнюс приехал цирк-шапито.

Сначала Валентину просто было интересно, ну какому мальчишке не захотелось бы заглянуть в закулисы цирка. Он постоянно крутился на площадке, где ставили брезентовый шатер, сначала его гоняли, а потом привыкли и даже стали посылать за какими-нибудь мелочами, как мальчишек, работающих в цирке. Так что к тому времени как развесили афиши, он для артистов был уже в какой-то степени своим, и его почти не прогоняли из-за кулис.

А он по-настоящему «заболел» цирком. Его теперь было, как говорится, «хлебом не корми», дай только чем-нибудь помочь. Он рвался всем помогать: чистить клетки, мыть полы, убирать манеж после представлений. В детдом уходил только ночевать, тем более, что в цирке ему конечно не давали умереть с голода. Но когда он перестал приходить и на ночь, конечно же, разразился скандал. Воспитатели вызвали милицию, сообщили, где искать ослушника (все хорошо

знали, где он пропадает), и в тот же день его под конвоем доставили в детдом.

Наутро он снова сбежал. Его опять вернули. Он еще раз сбежал. В итоге первой от этой игры устала милиция и заявила руководству детдома, чтобы те разбирались сами. У милиционеров было не так много свободного времени, чтобы тратить его на мальчишку, который ничего криминального не совершал и даже не думал куда-то пропадать. Тогда в детдоме попытались запугать не в меру свободолюбивого воспитанника. В ответ он им прямо сообщил, что убежит в любом случае, что бы они с ним ни делали, пусть хоть всего исполосуют.

Цирк привязывает к себе не нитями и канатами, а нервами – живыми и обнаженными.

И в конце концов победа все-таки осталась за ним. Перед такой решительностью воспитателям пришлось отступить. Что с ним поделаешь, если ни уговоры, ни угрозы, ни наказания на него не действуют? Нельзя же навечно запереть ребенка в карцере или приковать к детдому цепью. На него махнули рукой и временно оставили в покое, рассудив, что цирк рано или поздно уедет, и тогда все снова войдет в норму. Плохо они знали Валентина Дикуля...

Правда, сам он о ближайшем будущем пока не задумывался. Жил настоящим, проводил все время в цирке, ну, а в отдаленной перспективе видел себя знаменитым артистом. Но пустым мечтателем он никогда не был, поэтому знал, что

для воплощения этих грез надо много-много работать.

Он хотел стать акробатом и поэтому начал постепенно осваивать соответствующие навыки. Каждый день приходил на манеж, наблюдал, как цирковые артисты обучают детей своему мастерству, запоминал, а потом пытался повторить. Те к нему относились снисходительно и даже доброжелательно, поэтому временами и сами подсказывали, как и что лучше делать. И он постепенно осваивал простейшие гимнастические премудрости – кувыркался, жонглировал, учился балансировать и страховать партнеров.

Но уже тогда у него проявилось одно из тех качеств, которые помогли ему в будущем стать руководителем центра реабилитации инвалидов. Нет, пока не прозорливость, ответственность или умение относиться к чужой беде, как к своей личной. Для этого еще надо было многое пережить и сразиться со всем миром и с собственным телом. Но огромное желание поделиться со всеми своими знаниями и умениями уже тогда, в десятилетнем возрасте, сделало из него организатора, который может, невзирая ни на что, собрать вокруг себя людей, увлечь их и сделать своими единомышленниками. Он обожал цирк – ну, так он сделал так, что и в детдоме практически не осталось равнодушных к предмету его обожания.

Детство. Каким оно было? Не помню ничего, что не связано с мыслью о цирке. Может, это однобокость или убогость какая, но не помню, да и не хочу вспоминать.

Его буквально распирало от желания увлечь цирком весь мир, и он реализовал его, организовав в детдоме что-то вроде циркового кружка, где учил других ребят тем премудростям, которые сам недавно освоил на манеже. Понятно, что занимались они лишь самой примитивной акробатикой, но главное же – интерес, кураж. А еще такой кружок развивал в них чувство партнерства и умение работать в команде. Мальчишки строили пирамидки – забирались друг другу на плечи и выпрямлялись во весь рост, а для этого требуется не только хорошее чувство равновесия и физическая сила, еще важнее в таком упражнении слаженность, ведь нижнему надо постоянно страховать и контролировать верхнего, иначе пирамидка тут же развалится и верхний может упасть и получить травму.

Впрочем, сам Валентин в детскую пору увлечения цирком не покалечился только чудом. Акробатика всегда опасна, если ею заниматься самостоятельно и уж тем более без присмотра и страховки. А в характере Дикуля было поступать именно так. Он был слишком горд, чтобы показывать на людях свое неумение, зато обожал блистать и ошеломлять. Поэтому свои многочасовые тренировки он тщательно прятал от посторонних глаз, а потом легко и изящно демонстрировал готовый трюк под восторженное аханье публики. Причем, с возрастом эта привычка не прошла, и, став профессионалом, он продолжал поступать точно так же. Но взрослый артист, настоящий мастер своего дела, так и должен делать –

зрителю совершенно незачем знать, через сколько ошибок и неудач пришлось пройти, готовя тот или иной номер. Он хочет видеть чудо, волшебный и прекрасный трюк, а не тяжкий труд. А вот для ребенка, да и вообще для любого непрофессионала подобная привычка может закончиться трагедией.

Так и Валентин Дикуль еще в детстве едва не погиб из-за своей неосторожности и гордыни. Правда, произошло это не во время репетиции трюка, а когда они с друзьями играли в прятки. Он забрался на бревна, а те оказались сложены слишком шатко и развалились. Его сильно придавило, а позвать на помощь ему было стыдно – это ведь недостойно мужчины и будущего артиста. Так и пролежал несколько часов, пока его не пришли искать спохватившиеся воспитатели. Впрочем, для него это оказалось даже полезно – за время, проведенное под бревнами, жизнь он стал ценить выше ложной гордости, поэтому, когда его стали разыскивать, уже не постеснялся позвать на помощь. Правда, когда его вытащили, он все равно улыбался и изображал, что ничуть не напуган. Но какой же подросток без бравады.

Когда летний сезон завершился и цирк уехал из Вильнюса, для Валентина это стало настоящей трагедией. Можно сказать, жизнь закончилась – по крайней мере, ему так показалось. Но он был слишком жизнелюбивым и деятельным, чтобы загрузить и впасть в депрессию. О нет, скорее наоборот. Поразмыслив, он решил, что цирк наверняка остановился в каком-нибудь соседнем городе, и начал методично объ-

езжать окрестности. Привычно убегал из детдома, садился на поезд и ехал в очередной соседний город. Правда, безрезультатно. Ну, а его каждый раз отлавливала милиция и возвращала в родной детдом, где, впрочем, уже перестали о нем особо беспокоиться.

Так продолжалось до весны, когда в Вильнюс приехал новый цирк, и Валентин Дикуль отправился туда, вновь завоевывать симпатии артистов и учиться у них новым трюкам. А потом на следующий год повторилось то же самое... Хотя, конечно, с некоторыми изменениями – с каждым годом ему становилось все проще налаживать контакты с артистами. Цирковой мир достаточно небольшой, там все друг друга знают. Так что и о настырном мальчике из Вильнюса некоторые уже слышали, и конечно, он сам мог теперь при знакомстве сослаться на своих друзей из предыдущих цирков. Никто бы тогда не смог сказать, будет ли он артистом, но в цирковом мире он постепенно становился своим.

Обучали его теперь тоже охотнее, все-таки не абы кто, а человек, по-настоящему увлеченный цирком. И не только показывали упражнения, но и объясняли, что артисту необходимы прежде всего акробатика, сила и гимнастика. Нужно быть гибким и сильным, чтобы управлять каждой мышцей своего тела, только тогда можно стать настоящим цирковым артистом. И Валентин охотно учился, причем всему подряд – акробатике, жонглированию фокусам. Вообще-то он мечтал стать эквилибристом, но цирк был настолько большой

его любовью, что он готов был заниматься чем угодно, лишь бы работать там.

Я убегал на пустынный берег реки и там проявлял характер, отрабатывая до черных кругов перед глазами самые простенькие трюки. Потом в манеже показывал их взрослым. Иногда то, что получалось на берегу, в пух и прах рассыпалось на их глазах. Цирковые тогда говорили: «Ничего страшного. Великим артистом стать еще успеешь, а пока иди поработай». Помню, в те минуты я ненавидел себя и боялся расплакаться в присутствии своих учителей. Случись такое, ох как трудно мне было бы вернуться в цирк. Ибо мужчинам запрещено лить слезы. Об этом я никогда не забывал.

Когда Валентин Дикунь учился в пятом классе, вильнюсский детдом расформировали, и он снова поселился у бабушки. Но ненадолго. Снова накинута бедность, да и жить всемером в однокомнатной квартире было слишком тяжело. Бабушка все тянула, но Валентин был не по годам взрослым и решительным, да и подготовка к цирку закалила его характер. Поэтому в один прекрасный день он сам сказал ей: «Ну что, наверное, пора». И они поехали в Каунас – ближайший город, где был детский дом.

Потом то же самое повторялось еще несколько раз – он то уходил из детдома, то снова туда возвращался, и так до самого окончания школы. Правда, вступать во взрослую жизнь детдомовцем он не захотел, и по его просьбе бабушка, уже привыкшая полагаться на его решения, забрала его домой.

Ну, а пока он жил в Каунасе, его жизнь была похожа на вильнюсскую. Точно также летом к его огромной радости в город приехал цирк-шапито, и он опять отправился туда учиться и завоевывать. Ну, а зимой, в ожидании очередного лета, занимался спортом. Довольно скоро он уже мог подтянуться на перекладине, когда на его ногах висел кто-нибудь из сверстников. Хотя, конечно, до богатыря ему еще было расти и расти.

А он мечтал быть богатырем. Не так, как артистом цирка, конечно, но все-таки... Это была такая полудетская мечта, похожая на игру – не для чего-то, а просто так, потому что хочется. Однажды он даже пытался разыграть товарищей: подпереть дверь снаружи огромным камнем, словно приходил какой-нибудь Илья Муромец и подкатил его к двери. Но, разумеется, Валентин прекрасно понимал, что до Муромца ему далеко, поэтому в богатыря пока собирался только поиграть, а на самом деле подкатить камень при помощи системы рычагов. Однако он все-таки переоценил свои силы. Валун оказался таким тяжелым, что все заранее подготовленные доски сломались, а он сдвинулся лишь на пару сантиметров.

Но вот еще одно свойство характера Дидуля – неудача его не подкосила и не заставила отказаться от мысли о богатырской силе. Наоборот, теперь ему хотелось стать богатырем еще больше, чтобы рано или поздно все-таки одержать победу!

Может быть, дело было еще в том, что он не видел своей жизни без борьбы, без преодоления трудностей. В детстве он любил драться, и непременно один против двоих или троих, чтобы было как можно сложнее. Но зато насколько слаще миг триумфа, когда удается одержать победу над превосходящим противником. Став взрослым, он нашел себя в постоянной борьбе с обстоятельствами, с законами физики, с собственным телом. Слова «невозможно» для него не существует, скорее, оно его только распаляет, заставляет напрячь все силы, вступить в борьбу и – очень часто – победить. Человек, раз за разом совершающий невозможное, – вот, пожалуй, самое точное определение, которое можно дать Валентину Дикулю.

Я очень не люблю слово «поздно», от него разит безысходностью.

Умом-то понимаю, что, конечно, «лучше поздно, чем никогда», но если бы хоть раз в жизни зациклился на «никогда», то остался бы калекой на всю жизнь.

Я также против неоправданной, идущей от эмоций спешки в любом деле. Поспешай, не торопясь – в простой мудрости опыт многих поколений.

Когда Валентин Дикуль учился в шестом классе, его мечта вдруг неожиданно стала осуществимой. По крайней мере ему так показалось. Дело в том, что каунасский цирк-шапито перед отъездом объявил конкурс для желающих стать цирковыми артистами. Естественно, и до того увлеченный цир-

ком Валентин после такого известия и вовсе сон потерял.

Он готовился к показу и днем и ночью, отрабатывал трюки, штудировал книгу о фокусах, мастерил реквизит. И вот наконец явился в цирк в качестве конкурсанта. Там на него, конечно, посмотрели скептически – дети им были не нужны. Но поскольку он в цирке и так постоянно крутился, некоторые члены комиссии его знали, так что отказывать с ходу не стали, вежливо осведомились, в каком классе он учится, и разрешили приступить к показу.

Валентин продемонстрировал все, чему научился за эти годы увлечения цирком. Но... не нужен им был мальчишка-шестиклассник. Однако заявить ему такое напрямик никто не решился, члены комиссии хорошо видели, с какой надеждой он на них смотрит, и им неловко было эту надежду разрушать. Поэтому директор сказал: «Молодец, мы тебя принимаем. Но пока тебе необходимо учиться в школе. Хорошо учиться и заодно окрепнуть физически. А мы пришлем тебе вызов. Жди, скоро пришлем».

Конечно, ни к чему хорошему это не привело, тем более с таким человеком, как Валентин Дикуль. Получив прямой отказ, кто-то расстроится и бросит свою затею, кто-то наоборот упрется и начнет тренироваться еще старательнее, чтобы в следующий раз победить. Но подобные обещания, которые никто не собирается выполнять, могут привести к трагическим последствиям.

Валентин ждал вызова почти полгода. Всем знакомым

рассказал, что принят в цирк, и вот-вот уедет. Тренировался, готовился, засыпал и просыпался с мыслью: не пришло ли письмо от директора цирка? Но время шло, а вызова не было...

Мысль, что его просто обманули, не могла прийти ему в голову. Как можно? Цирковые не станут лгать и уж тем более не станут смеяться над чужими мечтами. Наверное, письмо потерялось. И Валентин отправился в Москву.

Это был его последний побег из детского дома, но на этот раз он сбежал не в соседний город, а добрался до самой столицы. Как ему это удалось – без денег, без документов и даже без опыта бродяжничества? Но воля горами движет. Валентин ехал зайцем в поездах, питался чем придется, а когда попадался транспортной милиции, умудрялся вновь сбежать и отправиться дальше. Из Каунаса до Москвы он добирался две недели.

В цирковом училище, которое он умудрился отыскать довольно быстро, его внимательно выслушали и, видимо, поняли, в чем дело. Они не стали говорить ему прямо, что мол тебя, мальчик, просто нагло обманули, а мягко объяснили, что для поступления он слишком молод. Но он уже обо всем догадался сам...

Через несколько дней милиция вернула Валентина, впервые в жизни павшего духом, в Каунас. Он был непривычно тих и пассивен. До самого отъезда из Москвы он надеялся, что случится чудо, и его все-таки примут в цирковое

училище. Но чудеса не происходят просто так, их надо творить собственными руками, а этому ему еще предстояло научиться. Пока же он переживал первый в своей жизни серьезный обман и пытался склеить разбитые мечты. Воспитатели на него нарадоваться не могли – шепутной мальчишка вдруг стал идеальным, по их мнению, воспитанником: тихим, молчаливым и послушным. Что на самом деле творилось у него в душе, им было неинтересно.

На какое-то время жизнь потеряла всякий смысл. Воспитатели не узнавали меня и тихо радовались происшедшим переменам. Хорошо, что хоть в покое оставили.

Но детство – оно как ивовая ветка: гнуть – гни, а сломать трудно. Скоро я вернулся к прежним мечтам о цирке и с еще большим рвением занялся спортивно-цирковым самосовершенствованием. Хотя осталась на сердце маленькая зарубочка: впервые в жизни я не смог забыть обмана. Обмана, граничащего с жестокостью и издевательством над святым для меня.

Я сразу повзрослел. Впрочем, нет худа без добра: удар, нанесенный моей психике, оказался далеко не единственным психологическим ударом, которые пришлось вынести в дальнейшем. Но зато он, самый первый, положил начало выработке иммунитета...

Незадолго до окончания школы Валентин попросил бабушку забрать его из детдома и поселился у нее. Но денежный вопрос стоял, как и прежде, остро, да и он к тому време-

ни уже считал себя слишком взрослым, чтобы жить на чьем-то иждивении. Так что в возрасте четырнадцати лет Валентин Дикуль начал зарабатывать деньги самостоятельно.

Дело в том, что у него оказалось потрясающее техническое чутье. Он мог отремонтировать практически любой мотоцикл, вернуть к жизни даже полнейший лом, за который не брались профессиональные мастера. Причем сам-то он был именно любителем, поскольку нигде и никогда этому не обучался. Но что-то, а талант к технике востребован всегда, и клиентов не слишком волнует наличие у мастера диплома, лишь бы ремонт был хорошо сделан. Поэтому довольно скоро Валентин наладил контакт с одной мастерской, которая отправляла невыгодных клиентов с очень сложными случаями к нему. А чтобы те не пугались при виде четырнадцатилетнего подростка и не уходили, он не возражал, когда его принимали за сына «мастера Дикулиса», и объяснял, кто на самом деле тут мастер, лишь когда возвращал отремонтированный мотоцикл клиенту.

Впрочем, сам Дикуль об этом вспоминает без особого интереса, потому что для него это был лишь способ зарабатывания денег на жизнь, а по-настоящему его в то время интересовали только две вещи – подготовка к цирку и учеба в школе, ведь без приличного аттестата о цирковом училище можно было забыть.

Его золотой цирковой мечтой была воздушная гимнастика, но поскольку самое главное для него было стать артистом,

он готов был заниматься чем угодно, лишь бы на манеже. Поэтому, когда ему подворачивалась возможность научиться чему-то новому, что могло пригодиться в цирке, он ею никогда не брезговал. Именно поэтому он после детдома увлекся атлетической гимнастикой, а если говорить проще – туризмом. Благо, это было несложно, потому что в Литве в то время была повальная мода на строительство собственного тела и клубы, где можно было позаниматься с гантелями и штангой, открывались повсюду.

В то время Валентин Дикуль тяжелоатлетом становиться не собирался и занялся бодибилдингом в основном для того, чтобы приобрести «товарный вид». Мало быть сильным и ловким, надо еще и выглядеть соответственно, чтобы понравиться зрителям. Но уже тогда, еще только начав строить свое тело, он уже задумался о том, что бодибилдинг нужен не только для красоты, особенно если подойти к нему с умом. Работа над телом – это самопознание и самоконтроль, а не только придание себе нужных форм. А цирковому артисту, совершающему опасные трюки, жизненно необходимо знать, на что способна каждая его мышца, и какую нагрузку она вынесет.

Пройдет всего несколько лет, и это смутное понимание превратится в уверенность, а потом и в целую систему, которая спасет сначала самого Валентина Дикуля, а потом и тысячи других людей...

Каждый человек – творец своего счастья. Это

та самая правда, которая не поддается ревизии. И каждый сделает столько в своей жизни ошибок, сколько предназначено ему судьбой. Но я против «сверхлимитных» ошибок, получающихся от элементарного невежества или, что еще хуже, слабости духа.

До того времени, когда Валентину Дикулю понадобится вся сила духа, что у него есть, оставалось совсем немного. А пока он был счастлив – мечта начала сбываться, ведь его приняли в цирковой кружок одного из каунасских клубов. Конечно, это было не совсем то, чего хотелось, но он воспринимал этот кружок как первый шаг к тому, чтобы стать профессиональным артистом. Там собрались такие же фанаты цирка, с которыми ему было легко и приятно общаться, там его учили, готовили, и, наконец, там ему дали возможность выйти на сцену.

Теперь он штудировал книгу «Цирк на клубной сцене» и серьезно готовил гимнастический номер, с которым вскоре и вышел к публике на одном из местных концертов. Первый успех, первые аплодисменты – разве такое забудешь. Сбылась мечта, и казалось, что до профессионального цирка на манеже теперь недалеко. Но у судьбы на Валентина Дикуля были совсем другие планы...

В 1962 году, когда Валентину Дикулю не исполнилось и пятнадцати лет, он получил травму, несовместимую с жизнью.

Это был обычный концерт в каунасском Дворце спорта, посвященный какому-то празднику. Валентин показывал свой гимнастический номер на тринадцатиметровой высоте, работал спокойно и уверенно, полностью себя контролировал, но... Случилось то, что нельзя было предусмотреть – лопнул штамберт, стальная перекладина, к которой крепится страховка и аппаратура. Юный гимнаст рухнул вниз вместе со всем оборудованием, не успев даже сгруппироваться, хотя на такой высоте это все равно вряд ли бы ему помогло. Последнее, что он запомнил, это металлический щелчок, а потом – темнота.

Артисты среагировали быстро и четко, вызвали «Скорую», и она немедленно доставила Валентина в больницу. Но что можно сделать, когда у человека сломан позвоночник? Неделю он пролежал без сознания в реанимации городской клинической больницы, а когда пришел в себя, еще долго не мог поверить в реальность происходящего. Да и как можно в четырнадцать лет поверить, что навсегда стал калекой?

Врачи поставили диагноз: компрессионный перелом позвоночника в поясничном отделе и черепно-мозговая травма плюс около десяти локальных переломов. В результате всего этого – полная неподвижность тела ниже пояса и утрата чувствительности. Вылечить такое невозможно, так что прогноз был безжалостный – всю оставшуюся жизнь Валентину придется провести в инвалидной коляске.

Не уверен, что превозмог бы неподвижность,

будь мне лет тридцать. Скорее всего, не сумел бы психологически перешагнуть через заостеневшее в сознании, что возможно, а что невозможно.

Но лет мне, непоседе, было ровно вполовину меньше, по характеру я оставался детдомовцем, а нам судьба никогда и ничего не преподносила на блюдечке с голубой каемочкой – мол, бери, глотай. Нет, сначала возделай, пот пролей и лишь после получи свое.

Сам Валентин Дикуль окончательно осознал, что это не сон и он на самом деле теперь инвалид, только месяца через три. И все равно в глубине души остались неверие, задушенный протест. Нет, с ним такое не может быть! Врачи наверняка ошибаются! И пусть ноги ничего не чувствуют, пусть передвигать их теперь можно только руками, как неодушевленные предметы, пусть их можно хоть иглой колоть – боли нет... Но это же его ноги, и они нужны ему, а значит должны снова начать двигаться!

Врачи рекомендовали ему покой и неподвижность, но он им не верил, как не верил и их прогнозам, поэтому начал поступать так, как сам считал нужным. Стал поднимать все, до чего мог дотянуться, отжимался, качал мышцы рук, груди и спины. Его ругали, пытались уговорить прекратить эти «глупости», но он и слушать не желал. Попросил друзей из цирковой секции принести ему гантели и резиновый жгут, чтобы заниматься по всем правилам, и потом пугал медсестер лязганьем железа и хлопками резины. На уговоры успокоиться и смирно лежать, как все, только хмуро отмалчивал-

ся. Теоретической базы у него, конечно, никакой не было, поэтому сказать ему было нечего, но и от своей внутренней веры в то, что если много заниматься, вернуть себе спортивную форму, то и ноги со временем тоже начнут работать, он не желал отказываться.

Врачи, поняв, что он не хочет смириться с неизбежным, стали более жестоки, искренне веря, что это для его же пользы – какой смысл обольщать себя напрасными надеждами. Поэтому они стали говорить прямо: «Мальчик, нельзя быть таким беспокойным... Ты не волнуйся, все, что в наших силах, мы сделаем. Будешь передвигаться в коляске, научишься обслуживать себя, найдешь работу по душе. Все образуется. Только веди себя приличнее». Но и это не помогало. Теперь уже заработало врожденное дикулевское упрямство. Не будет он лежать пассивно, не смиритесь, и все тут! И он продолжал упорно заниматься.

Хотя справедливости ради надо сказать, что были у него и срывы. Не желая становиться обузой для окружающих, он сделал две попытки покончить с собой. Один раз связал полотенца, привязал к кровати, затянул на шее и свалился на пол. Второй раз отравился препаратами люминала. Оба раза его спасли врачи. Ну, а потом занятия стали приносить кое-какие плоды – пусть ноги и не двигались, но в остальном его состояние улучшалось куда быстрее, чем у других больных, и некоторые даже стали интересоваться его упражнениями и пытаться их повторять.

Он занимался по пять-шесть часов в день, укрепляя мышечный корсет спины, подсознательно догадываясь, что это полезно в любом случае – хотя бы чтобы защитить и поддержать сломанный позвоночник. Уставал настолько, что вечером засыпал мгновенно, несмотря на боли в спине. И читал все, что мог найти про строение человеческого тела, переломы, травмы, анатомию мышц и биомеханику. Книги ему в основном приносили родственники других больных, которые, конечно, не верили в его выздоровление, но хорошо понимали его трагедию и стремились поддержать.

Так постепенно нарабатывалась теоретическая база, которая впоследствии очень помогла Дикулю и в собственной реабилитации, и в создании его знаменитой системы. Но пока он читал хаотично, не выбирая, потому что сам не знал еще, что надо искать, и руководствовался только чутьем. Это же чутье подсказывало ему, что ногами нужно двигать. Да, они не подчиняются ему, но это не значит, что можно позволить им лежать без движения. Поэтому он стал привязывать к ним веревочки и дергать, передвигая с места на место. Потом придумал всякие приспособления – грузы и противовесы – чтобы поднимать ноги и опускать их. А потом даже установил над кроватью систему блочных устройств на подшипниках. При помощи друзей, конечно.

Толку не было. Нижнюю часть тела он по-прежнему не ощущал. Но и сдаваться не собирался. Он продолжал считать, что ногам нужно движение, но теперь уже понимал, что

этого мало. Еще им нужен какой-то импульс от здоровой половины тела. Вот только как его создать? На это ответа пока не было.

В больнице он провел восемь месяцев, и вот наконец его выписали. Домой он вернулся на инвалидной коляске, официально числясь инвалидом первой группы без какой-либо надежды на выздоровление. Ему не было и шестнадцати лет.

Он просидел дома около месяца, замкнувшись в собственном страдальческом мирке и не желая показываться на улице. Упражнения не помогли, он стал инвалидом, обузой для бабушки. Зачем теперь жить? К тому же он ненавидел жалость, и его корежило от одной только мысли, что люди будут смотреть на него, такого молодого, в инвалидной коляске и жалеть его. Какое унижение!

Однако долго сидеть без дела он не мог, а от намерения покончить с собой к тому времени давно отказался как от признака малодушия и слабости. К тому же, несмотря на произошедшую с ним трагедию, его любовь к цирку не только не исчезла, а даже вспыхнула еще сильнее. С цирком были связаны самые счастливые минуты в его жизни, и он не представлял своей жизни без него. Поэтому в один прекрасный день он твердо решил перестать себя жалеть и поехал через весь город, не обращая внимания на сочувственные взгляды, к директору Дворца культуры профсоюзов. И сказал ему: «Помогите мне найти себя. Не могу жить без цирка. Я организую вам самодеятельный цирковой кружок, я знаю, как

это делается. Мне не нужно никаких денег. Реквизит сделаем сами и сошьем костюмы. Только дайте возможность заниматься. Не гоните».

Растерянный директор спросил, кто он, и в чем вообще дело. Валентин рассказал – и о своей безумной любви к цирку, и о своей короткой карьере эквилибриста, и о травме. Директор все выслушал, не перебивая, и твердо пообещал что-нибудь придумать.

На следующий день Валентину Дикулю сообщили, что во Дворце культуры профсоюзов открывают цирковой кружок, а его назначают руководителем и даже с положенным по штатному расписанию окладом.

Если вспоминать, то рождался-то я не единожды.

Сначала, понятно, как и все.

Затем – когда в Каунасе меня приняли в цирковую секцию.

Когда вернули к жизни, после того как упал с тринадцатиметровой высоты.

Когда мне, инвалиду-колясочнику, разрешили создать цирковой кружок.

Когда впервые почувствовал собственные ноги, хотя это и противоречило научно обоснованным предсказаниям до боли родной медицины.

Когда, заново рожденный цирковым манежем, сотворил свой первый трюк.

Затем...

Когда меня спрашивают: счастлив ли? – всегда

отвечаю: да, я очень счастливый человек. Ибо столько раз рожден, что не имею права не быть счастливым.

Это было фактически чудом. Кажется, Валентин Дикуль не был так счастлив даже тогда, когда очнулся после травмы и понял, что живой.

Он стал набирать учеников: сам написал плакаты и вместе с друзьями оклеил ими весь Каунас, потом провел вступительный экзамен и отобрал пятьдесят человек (больше просто не поместилось бы в предоставленном им зале). И наконец начал обучение...

Пожалуй, он был счастлив. На самом деле. Шестнадцатилетний юноша, недавно ставший пожизненным инвалидом, сумел пережить это, переступить через боль и обрести новый смысл в жизни. Он в своем кресле летел на работу как на крыльях. Судьба отняла у него все то, что есть у его ровесников? Ну и что, зато она не смогла отобрать у него любимое дело!

Он работал, творил, заражал учеников своей энергией и страстью. И они платили ему искренней любовью, откликаюсь на его невероятную жажду жизни. Никогда он не чувствовал себя среди них каким-то неполноценным. Даже когда он забывался и в своем рвении показать им какой-то трюк вываливался из кресла, никто из них не позволял себе даже улыбки. Они тут же бросались к нему и помогали сесть обратно. А он не обижался на сострадание, потому что уже понял, что это не то же самое, что жалость.

Но то, что он научился быть счастливым в инвалидном кресле, не означало, что он смирился со своим положением. Вечерами, после работы, он продолжал свои изнурительные тренировки. И теперь уже не наобум, а целенаправленно стараясь развивать определенные группы мышц. Именно тогда стали появляться методики и приспособления, которые потом стали основой уникальной системы Дикуля.

Однако особого прогресса не было. Точнее, не было прогресса с ногами – они продолжали оставаться неподвижными. А в остальном Валентин Дикуль еще как продвигался вперед. В скором времени он научился передвигаться на костылях, используя их как ручные ходули. Причем безжизненные ноги не просто волочил по полу, а старался имитировать ходьбу, выбрасывая вперед то одно бедро, то другое. В конце концов силы у него заканчивались и он попросту падал на гимнастические маты (на голом полу он опасался заниматься, потому что при падении мог получить новые травмы) и засыпал. Когда его в таком состоянии первый раз нашла уборщица, она запаниковала и вызвала «Скорую» и милицию.

Со стороны может показаться, что ничего в этом такого особенного, подумаешь, поднялся на костыли, ноги-то так и не пошли. На самом же деле это настолько невероятно сложно, что попробуй любой здоровый и даже физически крепкий человек такое повторить, он тут же либо упал бы, либо вынужден был опереться на ноги. Чтобы так ходить, на-

до обладать железными мышцами плечевого пояса и идеальной координацией движений. И конечно, Валентин Дикуль добился такого не в один день, это был результат многомесячных тренировок.

Все силы уходили на то, чтобы встать на ноги. Каждый день экспериментировал над собой. И сейчас, когда путь этот выстрадан мною «от и до», когда создана научно обоснованная система восстановления, я вижу, сколько в свое время переделал лишнего. Но иначе и не могло быть. Ведь тогда никого не было рядом – ни врача, ни шамана – кто мог бы дать единственно верные рекомендации: делай то-то и то-то и получишь такой-то эффект.

Возможность передвигаться на костылях Валентина Дикуля буквально окрылила. Все врачи в один голос говорили, что такое невозможно, а он сумел. И теперь он знал точно, что врачи могут ошибаться, а значит, и насчет его ног тоже могут быть неправы. Впрочем, и доктора уже не все были настолько стопроцентно уверены в своей правоте. В то время Дикуль познакомился с одним известным врачом, которого очень впечатлили его успехи. И хотя открыто тот ничего не говорил, но зато неожиданно несколько раз заводил речь о том, что огромная радость может убить человека так же, как сильное горе. И что в такой момент ни в коем случае нельзя быть одному. Пожалуй, он стал первым человеком, который поверил в то, что этот юноша с железной волей и такими же

мускулами сумеет сделать невозможное.

Чудо свершилось на шестой год после травмы.

Тем летом Валентин Дикуль вывез свой цирковой кружок на школьные каникулы в город Ниду. Там они разбили палаточный городок, сделали маленькую арену и целыми днями репетировали. Но внезапно у Дикуля резко подскочила температура, тело отказалось слушаться, и он почувствовал острое жжение в позвоночнике. Он не мог ни есть, ни пить, ни тем более держаться на костылях, даже в коляску и то не мог сесть. Страшная боль ломала суставы, разрывала судорогами мышцы. Он раз за разом терял сознание, а приходя в себя, не узнавал окружающих. Хорошо, что при нем были ученики – он в жару метался по кровати, и им приходилось силой удерживать его, чтобы не дать упасть на пол. Вызвали врачей, но те не решились забрать его в больницу, боялись, что он не выдержит транспортировки. К тому же они попросту не понимали, что с ним происходит, симптомы болезни были ни на что не похожи.

На третий день Валентин Дикуль пришел в сознание, чувствуя себя, правда, слабее котенка. Даже говорить не мог. Но уже через сутки заставил себя взяться за костыли, попробовал встать, и – о, чудо! – почувствовал работу мышц бедра и коленей!

Случилось невероятное. Нет, даже невозможное! Вопреки всем прогнозам по его спинному мозгу потекла жизнь. Он мог двигать ногами, мог чувствовать ими боль... и ни одно

даже самое приятное ощущение за всю жизнь не доставляло ему такого счастья, как эта боль.

А уже через две недели (хотя обычно срок реабилитации в таких случаях занимает несколько месяцев) он отбросил костыли и стал передвигаться на своих ногах, опираясь на две легкие палочки.

И вновь начались изнуряющие тренировки. Валентин Дикуль устанавливал себе маленькие цели, достигая которые, продвигался вперед. Сегодня сделать на три отжимания больше, чем вчера, завтра – на два больше, чем сегодня. Он представлял себе путь как лестницу, ведущую вверх. И каждая достигнутая цель была очередной ступенькой этой лестницы. Куда она вела? К цирку, конечно!

Скажи он кому-нибудь такое, над ним бы посмеялись, а может поплакали бы над его судьбой или вовсе покрутили бы пальцем у виска. Какой еще цирк, когда он из инвалидного кресла только-только встал! Пусть радуется, что вообще ходит!

Кто-нибудь другой, наверное, так и поступил бы. Но не Дикуль. Да, он был счастлив, что вновь может ходить, но не собирался на этом останавливаться. И уж тем более не собирался слушать скептиков – теперь, когда он доказал, что невозможное возможно.

Когда сделал первый шаг на костылях, еще не чувствуя ног, то сказал себе: я буду выступать.

Когда, забыв про костыли, учился ходить с помощью

палочек, то думал уже о том, что именно буду делать на арене.

Но чем именно он теперь будет заниматься в цирке? Здра-
вый смысл подсказывал ему, что воздушным гимнастом его
никто больше не возьмет. Хоть летать научись – не возьмут
и точка. Значит, надо придумать что-нибудь другое. И тут
он вспомнил свои детские мечты стать богатырем. К этому
времени он уже так накачал мышцы рук, плеч и спины, что
эта идея вовсе не казалась такой уж безнадежной. Тем более,
что цирковому силачу вовсе не нужно быть самым сильным
человеком на планете, достаточно фактурной атлетической
фигуры и умения артистично работать с тяжестями. Решено
– он будет силачом!

И он взялся штудировать книги «Силачи в цирке» и «Ре-
корды прошлого». Правда, благие рассуждения насчет фи-
гуры и артистизма быстро пошли прахом. Он слишком при-
вык быть максималистом и перфекционистом, поэтому те-
перь мечтал... конечно же, стать самым сильным человеком
на планете. И это в то время, когда он все еще ходил, опира-
ясь на палочку.

Но цель поставлена, значит, ее надо достичь. Семь меся-
цев Дикуюль ходил с тростью, руководил кружком, а под шу-
мок готовил силовой номер. Верхняя половина тела у него
была уже вполне богатырской, теперь предстояло сделать та-
кими и ноги. И он вновь занялся разработкой собственно-
го комплекса атлетической гимнастики с учетом состояния

своего здоровья.

Утверждаю, что каждый человек может сделать абсолютно все, что в его человеческих силах.

Повторяю – абсолютно все.

Только поверьте в себя.

И обязательно доведите до конца начатое, как бы трудно и тяжело вам ни было.

И вы победите. Обязательно победите.

Но всегда помните: цель, к которой стремитесь, должна быть справедливой и нужной людям. Вот о чем прошу вас никогда не забывать.

Конечно, для того, чтобы достичь поставленной цели, Валентину Дикулю потребовались не дни, не недели и даже не месяцы. На цирковую арену он вышел только в 1970 году – через восемь лет после травмы. Зрители рукоплескали богатырю, жонглирующему пушечными ядрами весом по сорок пять килограммов, подбрасывающему их вверх и принимающему на предплечье. Но, конечно, они и не подозревали, что видят не просто силача, а наблюдают триумф воли над обстоятельствами, официальной медициной и даже природой. Никому из видевших Дикуля на арене и в голову не пришло бы, что перед ними недавний инвалид-колясочник.

А ему было этого мало. Начались гастроли по всему Советскому Союзу, и он все больше усложнял номера, работал над реквизитом, совершенствовал программы своих выступлений. Вскоре вместо ядер в воздухе стали мелькать вось-

мидесятикилограммовые гири, потом он крутил, точно пропеллер, штангу весом в сто двадцать килограммов со сверкающими золотом шарами на концах грифа. Затем появился знаменитый номер «пирамида» – стоя в борцовском мостике, с упором головой и ногами, Диккуль держал на себе две штанги и шесть человек общим весом в тонну! Поражал воображение зрителей и другой знаменитый номер – когда на его груди устанавливали наковальню и двое сильных мужчин с размаху били по ней кузнечными молотами. А еще он, подобно былинному богатырю, поднимал и носил по манежу брыкающуюся лошадь. Публика неистовствовала!

За одно двадцатиминутное выступление Валентин Диккуль поднимал различные тяжести общим весом в одиннадцать-двенадцать тонн. Причем не собирался на этом останавливаться – со временем у него появились два еще более впечатляющих номера, теперь уже с автомобилями: удержание автомобиля на плечах и сдерживание на тросах двух легковых автомашин, стартовавших в разные стороны.

Сказать по правде, эти достижения доставались ему не так уж легко. Были и новые травмы, и новые операции, которых насчитывалось больше десятка. Например, в попытке создать новый силовой трюк он неудачно взял груз, гиря соскользнула, левую руку полностью вывернуло в обратную сторону, разломало сустав в нескольких местах, и в довершение всего был поврежден глаз. А потом некачественный наркоз во время операции дал осложнения на глаза, и в итоге

Дикуль почти ослеп. Пришлось перенести одиннадцать офтальмологических операций, чтобы восстановить зрение.

Но даже в таких случаях он не унывал, кажется, он вообще разучился это делать с того достопамятного дня, как встал с инвалидного кресла. Все поправимо, нет ничего невозможного, а травмы... обычный и оправданный риск в его профессии. Куда больше его интересовало то, что он установил четыре мировых рекорда по силовому троеборью, которые до сих пор никто не может побить. 30 декабря 1999 года он в присутствии журналистов, нескольких десятков зрителей и официальных комиссий книги рекордов Гиннеса и книги рекордов планеты выполнил три упражнения из программы классического силового троеборья. Результат всех потряс: приседание со штангой на плечах – 450 кг, жим лежа – 260 кг, становая тяга (распрямление тела со штангой в руках) – 460 кг. Суммарно им было поднято 1170 кг при собственном весе в 121 кг. Это на 70 килограммов превышало установленный ранее мировой рекорд. Причем было Дикулю на тот момент уже за пятьдесят, то есть по спортивным меркам он давно относился к ветеранской категории, а побил он рекорд для молодых спортсменов.

В том же 1999 году ему было присвоено официальное звание народный артист России и звание чемпион мира по пауэрлифтингу (силовому троеборью) в абсолютной весовой категории.

Но на самом деле все это не главное в жизни Валенти-

на Дикуля. Да, он по-прежнему обожает цирк и любит выступать перед публикой, но главным делом его жизни стали не спортивные достижения и признание зрителей. Среди людей, переживших подобное несчастье, травму, удар судьбы и сумевших выкарабкаться из безнадежной ситуации, он выделяется тем, что не только сумел спасти себя, но положил всю свою дальнейшую жизнь на то, чтобы так же спасти других.

Я никогда никому из них ничего не обещаю, даже если вижу, что физические предпосылки для реабилитации есть. Хватит ли у больного, его близких и друзей сил вынести боль, депрессию? Почти каждый пациент проходит через это – и не каждый выдерживает. Самое главное – верить в себя, в свои силы, не бросать лечение на полдороге, не разочаровываться. «Чудо» исцеления – результат совместного одержимого труда медиков и самого больного.

После того, как Валентин Дикуль в 1970 году вышел на арену, слухи о том, что он поставил себя на ноги после безнадежной травмы, стали распространяться с огромной быстротой. И к нему начали обращаться люди, у которых были проблемы со спиной. Он помогал – советовал, назначал упражнения, массаж, и постепенно у него стала складываться неофициальная репутация целителя. Хотя, конечно, ни о каком целительстве речи не было, и со временем он под все свои разработки подвел строгую теоретическую базу.

Потом была чередой публикаций в прессе, вызвавшая негативную реакцию врачей, не желающих верить в «чудеса», и лавину писем от людей, прикованных после травм к инвалидному креслу. Люди приходили к нему прямо в цирк и умоляли о помощи. В цирке не стали ему мешать, и каждый день после работы, в том числе и на гастролях, он еще три-четыре часа принимал пациентов. Его дочь, Анна Дикунь, вспоминала: «Всегда в цирке, сколько себя помню с детского возраста, всегда были кругом люди на инвалидных колясках. Центр – это уже было потом, значительно позже».

Конечно, все это было неофициально – от властей помощи ожидать не приходилось, ведь в СССР инвалидов формально почти не было, и чиновники не желали открывать какие-либо реабилитационные центры и тем признавать, что проблема существует. Доходило до смешного (если над этим вообще можно смеяться, а не плакать): уже позже, когда его методику начали признавать, его пациентам запрещали гулять в инвалидных колясках по парку, «чтобы не травмировать психику» здоровых людей.

Но Валентин Дикунь не был бы самим собой, если бы отступил перед препятствиями. Он высылал всем желающим разработанный им комплекс мер по медицинской реабилитации, отвечал на письма, подбадривал, принимал, кого мог, у себя. К тому же он был уже не только практиком, занявшись лечением людей, он задался не только вопросом «как?», но и вопросом «почему?». Он доказал, что поврежденные му-

скулы могут «вспомнить» свою работу, если их как бы заново обучить ей. Сам пациент вначале должен вспомнить, какие именно движения он проделывал, как сгибались и разгибались ноги и руки. Для этого используются механические устройства и помощь тех мышц, которые активны. Ноги можно поместить в ременные петли, которые посредством блоков связаны тросом; один его конец берет в руки тренирующийся, а второй привязывается к грузу. Потянув за трос, медленно поднимаешь вверх колени и сгибаешь ноги, а когда отпускаешь, они распрямляются. Так руками можно заставить работать мышцы ног.

Дикуль доказал, что возможна подача нервного импульса в обход травмированного участка, нужно только «перелучить» центральную нервную систему работать так, чтобы она «считала»: у нее находятся под контролем все участки, травмированные и нетренированные, то есть как если бы травмы не было. И неподвижность отступит. Научно принцип звучит так: восстановление двигательных функций происходит за счет компенсаторно-сохраняющих групп мышц выше уровня очага поражения (обрыва функциональной линии связи).

Это требует воли, упорства, огромной работы, причем часто многолетней. Все в конечном счете решают воля и твердость самого человека. Наглядные доказательства: и сам Валентин Дикуль, и тысячи излечившихся людей. На нынешний день только по официальным данным он поставил на но-

ги больше восьми тысяч человек, приговоренных к инвалидной коляске. А сколько тех, кто восстановился после менее тяжелых травм, – и не сосчитать.

У меня трудная жизнь – и была, и есть. Но я – счастливый человек. Счастье заключается в том, что я могу помогать людям.

Методика Валентина Дикуля постепенно завоевывала признание за рубежом, и отечественным властям тоже пришлось зашевелиться, чтобы не оказаться позади планеты всей. В 1978 году приказом Министерства здравоохранения СССР Дикулю было разрешено апробировать свою методику официально. Его направили в больницу им. Бурденко, где он начал вести регулярный прием. Через пять лет работы комиссия оценила результаты и выдала разрешение на лечение и реабилитацию по методике В.И. Дикуля больных со спинномозговой травмой шейного, грудного и поясничного отделов, а также больных с последствиями детского церебрального паралича. Для этого в больнице им. Бурденко было открыто специальное отделение.

Когда началась перестройка, процесс пошел быстрее, и в 1988 году Дикуль был назначен директором Всесоюзного центра реабилитации больных со спинномозговой травмой и последствиями детского церебрального паралича, который открылся 1 января 1989 года. В настоящее время под его руководством работают четыре российских Медико-реабилитационных центра. Методику Дикуля используют более ты-

сячи врачей в России и за границей. Сам он руководит двенадцатью реабилитационными центрами по всему миру.

Хочу напомнить здоровым и сильным – проявите сострадание к слабому, больному, несчастному. Поделитесь с ним частичкой своего «я». Дайте ему хоть малость той уверенности, которой обладаете.

Ибо уверенность – это и есть жизнь, уверенность в себе самом, в людях, которые тебя окружают, в завтрашнем дне.

Я не идеалист, не слепец и не мечтатель и вижу, как трудна она, эта самая наша жизнь. Злые очереди в магазинах; колбаса, которой брезгуют бездомные кошки; отравленный воздух больших городов; нищета, на грани которой находятся сотни тысяч семей...

Не спрашиваю вас, каково в этом обездоленном обществе инвалидам.

Люди, так будьте же милосердны!

Стиви Уандер

У всех нас есть способности. Разница в том, как мы их используем.

Не так уж много в современном мире музыкантов, о которых мнение критиков и слушателей было бы настолько единодушным и категоричным – гений. Стиви Уандера так называют постоянно, и желающих с этим поспорить становится все меньше с каждой его новой песней. Такой яркий, безусловный талант невозможно не заметить и не признать.

Но кроме того, что Стиви Уандер – гений, он еще много кто: певец, автор песен, мультиинструменталист и продюсер. К шестидесяти трем годам за его плечами уже полвека творческой деятельности. За эти годы он получил двадцать две премии Грэмми как лучший певец (плюс еще несколько – как лучший продюсер). Суммарный тираж его записей составляет более 150 миллионов копий – он выпустил один бриллиантовый, один серебряный, 26 золотых и 20 платиновых альбомов. Его имя записано в Зале славы рок-н-ролла и Зале славы авторов песен. Он признан третьим из самых успешных певцов в мире после Элвиса Пресли и Майкла Джексона. Его называют музыкантом, определившим развитие «черной» музыки середины XX века, он награжден множеством престижнейших международных премий и ор-

денов.

Казалось бы, Стиви Уандер – истинный баловень судьбы, воплощение американской мечты. Талантливый, богатый и успешный. Если бы не одно «но».

Он слеп от рождения.

Слепота не означает отсутствие видения.

Стиви Уандер родился 13 мая 1950 года в местечке Сэгиноу, штат Мичиган. Слепым его сделала не природа, не людская злоба и не собственная неосторожность. Сам он считает это перстом судьбы и даже даром Божиим, а менее философски настроенные люди называют это печальной случайностью. Дело в том, что Стиви родился недоношенным, на шесть недель раньше срока. В 50-е годы такие младенцы редко выживали, поэтому врачи считали, что он не жилец, но все же поместили его в инкубатор для выхаживания новорожденных. В эту инкубационную камеру подавался воздух с высоким содержанием кислорода. А у новорожденного Стиви, как у многих других слишком рано родившихся младенцев, была ретинопатия недоношенных...

Если не вдаваться в медицинские подробности, то суть этого заболевания проста: сосуды сетчатки глаза у плода развиваются как раз к концу девятого месяца, поэтому у родившихся досрочно младенцев глаза еще недоразвиты. Их должен постоянно осматривать окулист, иначе ребенок может остаться слабовидящим. Естественно, в 50-е об этом еще никто не знал. И уж тем более не знали, что большая доза кис-

лорода может усугубить ретинопатию. Что и произошло – попытка сделать как лучше привела к тому, что Стиви выжил, но полностью ослеп.

Больница, в которой он родился, была для бедных, людские несчастья там были привычным явлением, но родителей маленького Стиви и персонал, и пациенты провожали сочувственными взглядами. Третий ребенок в бедной негритянской семье... любому было ясно – ничего хорошего этого мальчика в жизни не ждет. Если не сдадут в приют и не померет с голода, то забьют другие дети, нравы-то в «цветных» кварталах суровые, слабые там не выживают.

И возможно так оно и случилось бы, если бы не Лула Мэй – мать Стиви.

Мой отец определённо не был главой семьи, нас поднимала мама. А она работала в рыбной компании до того счастливого момента, когда заметили мой талант.

Стиви был третьим ребенком в семье Кэлвина и Лулы Мэй Джадкинс и первые годы звался Стивлэндом Джадкинсом. За следующие четыре года в семье родилось еще трое детей, а потом родители Стиви развелись. Лула Мэй вернула свою девичью фамилию Хардуэй и переехала с детьми в Детройт. Там Стиви приобрел несколько сводных братьев и сестер и заодно получил уже третью в своей жизни фамилию – Моррис, поскольку, как он метко выразился, «его любимой мамочке повезло быть замужем больше чем за одним мужчиной». Моррисом он звался до тех пор, пока не взял себе

псевдоним Уандер.

В Детройте, бывшем в то время автомобильной столицей США, их семья жила точно так же, как многие другие бедняки. Все, кто мог, работали изо всех сил, а когда работы не было – перебивались как могли. Например, всей семьей рыскали по речным докам, чтобы стащить немного угля для растопки домашней печи. О детях заботились по мере возможности, кормили их, одевали, а когда с деньгами становилось немного получше, старались чем-то побаловать. Так, к примеру, родители знали, что Стиви любит музыку, и на день рождения они подарили ему губную гармошку. Недорогой подарок, но необычайно ценный для маленького слепого музыканта.

Конечно, слепой ребенок был для семьи балластом. Но Лула Мэй не терпела никаких намеков на это. Она была не из тех, кто сдается, и не считала, что надо поставить на сыне крест только потому, что он слеп. Все свое свободное время она посвящала тому, чтобы научить Стиви обходиться без посторонней помощи. Она старалась развивать его слух и реакцию, рассказывала ему обо всем, что он не может увидеть сам, и умудрилась даже как-то объяснить ему, что такое цвет и каких цветов разные предметы.

К семи годам Стиви с легкостью мог подолгу оставаться один дома и даже выполнять любую домашнюю работу. Феноменальный слух позволял ему ориентироваться в пространстве не хуже зрячих – довольно скоро он стал опреде-

лять движения людей по малейшему шороху. Но на улицу его одного старались не выпускать, Лула Мэй знала, как жесток может быть мир к маленькому слепому мальчику. Нет уж, пусть сначала подрастет, станет большим и сильным, вот тогда будет ясно, кто победит – жестокий мир или мать, борющаяся за своего ребенка.

Глупо обижаться на судьбу, глупо ныть, а еще глупее – жалеть себя. Просто забудь о том, что твои глаза не видят, и живи как все – только намного лучше, намного интереснее.

Лула Мэй, мать Стиви Уандера

Подолгу сидя взаперти, Стиви развлекался тем, что барабанил ложками по кастрюлям и сковородкам, причем не просто барабанил, а наигрывал мелодии, которые слышал по радио. Собственно поэтому родители и решили подарить ему губную гармошку – было ясно, что у ребенка способности к музыке, а купить какой-нибудь другой инструмент они не имели возможности.

Как бы то ни было, но это оказался лучший подарок, какой они могли бы сделать. Уже через пару лет стало ясно, что музыка для Стиви не просто способ скоротать время, а настоящее призвание. Он играл на улицах, собирая вокруг себя толпы слушателей, пел в церковном хоре, и слава его, пусть пока и на местном уровне, росла, росла и наконец доросла до того, что группа местных предпринимателей подарила слепому вундеркинду ударную установку. Еще один широкий

жест сделал переезжающий сосед – он оставил Стиви свое пианино.

Благодаря всему этому, а также, конечно, стараниям Лулы Мэй, которая всячески поощряла его увлечение музыкой, к девяти годам Стиви виртуозно играл на пианино, барабанах и губной гармошке, да к тому же еще пел и сам сочинял музыку.

Социализация его среди сверстников тоже прошла достаточно успешно. Когда настало время идти в школу, Стиви уже умел читать, и научила его этому тоже Лула Мэй. По одной из многочисленных легенд, окружающих Стиви Уандера, читать он выучился даже не при помощи шрифта Брайля, а по самому обычному букварю. Слепоту ему компенсировал не только невероятно тонкий слух, но и не менее чувствительные пальцы, которыми он умел различать на ощупь мельчайшие частицы типографской краски, то есть нащупывать напечатанные буквы на обычной книжной странице.

Вообще-то Стиви должны были отправить в специальную школу для слепых, но Лула Мэй этого не допустила. Она скандалила, добивалась, ходила по инстанциям, доказала, что он умеет читать, а значит, не отстает от сверстников, и в конце концов его все же приняли в обычную школу. Конечно, там было трудно, но все тот же тонкий слух и внушенная матерью твердая уверенность, что он не хуже других, помогли Стиви адаптироваться среди сверстников и даже заслужить их уважение. К примеру, он ошарашивал их тем, что в

кино не хуже других понимал, что происходит на экране – по звуку. А еще он хорошо играл в баскетбол, опять же то ли на слух, то ли при помощи своей феноменальной интуиции ориентируясь, куда летит мяч.

Мне было девять, а в десять мы подписали контракт с «Motown» и к одиннадцати уже выпустили первую пластинку.

И вот настал миг, перевернувший всю жизнь Стиви и его семьи, – его услышал легендарный Берри Гордон, генеральный директор и президент звукозаписывающей компании «Motown». Правда, каким образом до него дошли слухи о юном вундеркинде, никто толком не знает. На этот счет ходят разные легенды. Кто-то рассказывает, что об уличных концертах Стиви узнал продюсер Брайан Холлэнд, искавший в Детройте молодые таланты. Другие утверждают, что все началось с Ронни Уайта из группы Смоки Робинсона «The Miracles», которого кто-то пригласил на домашний концерт Стиви. Третья версия гласит, что без Ронни Уайта тут конечно не обошлось, но первым слепого музыканта услышал не он, а его брат Джеральд, и не на концерте, а в церкви, где Стиви продолжать петь в хоре.

Как бы то ни было, юного вундеркинда представили Берри Гордону. Как гласит еще одна легенда, сразу после прослушивания тот сказал: «Ты, парень – настоящее чудо, и я советую тебе взять именно такой псевдоним» («Wonder» – на английском означает «чудо»). И тут же предложил ему за-

ключить контракт с «Motown». Может быть, на самом деле все было и не так стремительно, но какое это имеет значение? Берри Гордон обладал потрясающим чутьем на таланты и, что еще важнее, отлично чувствовал потребности музыкального рынка. Он первым понял, что у этого мальчика большое будущее. И не жалел ни сил, ни средств, чтобы развить его таланты.

Так десятилетний Стивлэнд Моррис, как его звали после второго замужества матери, стал Маленьким Стиви Уандером (Little Stevie Wonder) и подписал стандартный для несовершеннолетних музыкантов контракт. Все его гонорары помещались на накопительные счета в банке до совершеннолетия, то есть до достижения им двадцати одного года.

Что же дальше? Сказки обычно на этом и заканчиваются – герой нашел себя, нашел тех, кто его оценил, теперь перед ним открыты все дороги. Добрая фея вручает Золушке хрустальные туфельки, принца и королевство в придачу, после чего ставится слово «конец», и все уверены, что дальше нет ничего интересного. Но реальная жизнь не заканчивается, когда сбылась заветная мечта. Наоборот, самое интересное после этого только начинается.

Что ждет десятилетнего мальчика из бедной семьи, в одночасье ставшего богатым и знаменитым? Быстрый взлет, короткий успех и годы забвения после того, как непостоянная публика перестанет интересоваться юным вундеркиндом? Или звездная болезнь, наркотики, алкоголь и ранняя

смерть от СПИДа или передозировки? Именно эти два сценария чаще всего встречаются в реальной жизни. И лишь единицам удается избежать их и пойти по своему собственному пути. Для этого мало быть замеченным знаменитым продюсером, нужны еще талант, характер, сила воли и трезвый ум. И у Стиви Уандера все эти качества были.

Пожалуй, ему даже повезло, что он не сразу стал знаменитым. Свои первые записи на Motown он сделал в 1961–1962 годах – выпустил сингл, а потом два альбома, в которых блеснул игрой на пианино и длинными соло на губной гармонике и смешанных ударных. Но эти первые пластинки особого успеха не имели, что несколько остудило его гордость и сбilo с него излишнюю самоуверенность.

Конечно, его жизнь стала ярче и интереснее, теперь ему уже не приходилось выступать на улицах и мечтать о хороших музыкальных инструментах. Теперь его записывали на большой студии, у него появился прекрасный рояль, а также банджо, гитара, барабаны и вообще любые инструменты, какие он только пожелает. Он стал ездить на гастроли с набирающими популярность группами «The Supremes» и «The Marvelettes» и после девяноста четырех концертов за четыре месяца чувствовал себя прекрасно и даже сочинял новые песни, когда его взрослые коллеги-музыканты уже валились с ног от усталости.

Но не все в его новой жизни было так уж прекрасно и радужно. Гастроли мешали учебе, и продюсеры уговорили Лу-

лу Мэй сделать то, чего она так не хотела, – отдать сына в школу-интернат для слепых детей. Конечно, в самую дорогую и элитную, но для Стиви вся эта престижность ничего не значила, он почувствовал себя оскорбленным, ведь в этой школе учились инвалиды, а он не желал чувствовать себя инвалидом! Аргумент, что это необходимо для карьеры, мог убедить Лулу Мэй, но не самого Стиви. Он не хуже других, и точка!

Сражаться с взрослыми у него пока не было ни сил, ни возможностей, и свое право не быть инвалидом он доказывал отчаянными поступками, на которые решился бы не каждый зрячий. Например, мог выбраться ночью из окна третьего этажа, сходить в город, купить чипсы и вернуться обратно тоже через окно. Кстати, один раз он таки перепутал окна и вместо своей спальни влез в комнату девочек. Поднялся переполох, был большой скандал, но Стиви, конечно, и не подумал признаваться в ошибке. С тех пор за ним закрепилась слава большого любителя женского пола... впрочем, в скором времени ставшая вполне заслуженной.

Но пока ему было не до девочек, он работал, совершенствовался, и в тринадцать лет к нему уже (а по его мнению – наконец-то) пришло первое серьезное признание. В 1963 году он записал свой первый настоящий хит «Fingertips (Pt. 2)», возглавивший хит-парады и заставивший наконец Америку запомнить, что есть такой певец – Маленький Стиви Уандер. Это был огромный успех не только для него самого,

но и для студии «Motown»: впервые записанный ею альбом занял первую строчку хит-парада!

Это был мой третий альбом. Джаз – душа моего сердца...

В следующие два года Стиви закрепил этот успех, сыграв маленькие роли в двух музыкальных фильмах, и демонстративно избавился от слова «Маленький» в своем творческом псевдониме. Отныне и навсегда он стал зваться просто Стиви Уандером.

Однако возгордился он опять слишком рано, и жестокий мир шоу-бизнеса быстро ему об этом напомнил. Повторить успех «Fingertips (Pt. 2)» ему еще долго не удавалось, следующие альбомы были приняты публикой достаточно прохладно, ведь эффект новизны уже ушел, а ничего оригинального Стиви предложить пока не мог. Правда, в этом была не совсем его вина, он ведь был всего лишь подростком, и его жизнь полностью контролировалась взрослыми дядями, решавшими, что ему петь, какую музыку играть, как себя вести... да и все остальное тоже. И Стиви скоро стало раздражать, что по указанию Берри Гордона его постоянно опекает продюсер Кларенс Пол, тем более что тот не только курировал его альбомы и вообще дела творческие, но и вмешивался в его личную жизнь. Стиви не мог и шагу ступить без опекуна Пола, словно девчонка, которую повсюду должна сопровождать дуэнья. Не говоря уж о том, что стоило ему на очередной вечеринке увлечь какую-нибудь девушку, как яв-

лялся Пол и отправлял его спать, а сам начинал флиртовать с этой девушкой.

Новый виток в жизни и карьере Стиви произошел в пятнадцать лет, когда он впервые влюбился. Юную особу, привлекающую его внимание, звали Энджи, и конечно же, у нее был очень приятный и мелодичный голос. Как она выглядела, он не знал, но ему это было и не важно, он воспринимал и оценивал мир по собственным критериям, и внешний вид среди них стоял на одном из последних мест. Естественно, первая любовь ни к чему серьезному не привела, но зато она вдохновила Стиви на творчество, и в середине 60-х вышел новый хит «Uptight (Everything Alright)», который он не только спел, но и сам написал!

Это был на самом деле прорыв, ведь он доказал, что может не только играть и петь, но способен и написать популярную песню. С тех пор он почти все свои хиты писал сам и к тому же еще сочинял песни для других музыкантов.

А вдохновляли его на творчество прежде всего женщины. Позже, когда он стал постарше и посерьезнее, то стал думать еще и о политике, о правах чернокожих, да и на философские темы – о жизни и смерти. Но в юности он о таких вещах еще не задумывался, зато стоило ему попасть в женскую компанию, как он сразу расцветал и пускал в ход все свое обаяние. Улыбки, шутки, розыгрыши, неудивительно, что Энджи стала лишь первой в длинной череде его возлюбленных и муз.

Причем, Стиви никогда не смущался своей слепоты, а наоборот, беззастенчиво использовал ее в розыгрышах. Например, просил своих друзей подробно рассказать, во что одета девушка и как она выглядит, а потом подсаживался к ней, заводил разговор и в какой-то момент вводил ее в ступор фразой вроде «как это синее платье идет к вашим темным волосам и прекрасным голубым глазам». После чего собеседнице оставалось только хлопать своими прекрасными глазами и гадать, как слепой юноша умудрился все это увидеть.

Я влюблен в жизнь и во всех девушек одновременно.
Зачем же мне жениться?

К двадцати годам он сменил десяток подружек и написал несколько популярных романтических композиций. К счастью, из знаменитого лозунга 70-х «секс, наркотики и рок-н-ролл» его интересовали только первая и последняя составляющие. Каждый раз он влюблялся до безумия, но надолго его влюбленности не хватало, и он, словно мотылек, летел к следующему цветку. Однако в 1970 году неожиданно для всех и в том числе для себя Стиви вдруг решил остепениться и женился на своей коллеге, певице Сирите Райт. Как и многие другие его возлюбленные, она не блистала особой красотой, зато обладала чудесным завораживающим голосом. А кроме того, Сирита была ему хорошим другом и помощником – она работала в «Motown» и тоже писала песни. За их первый совместный альбом Стиви получил свою первую премию Грэмми.

Но в отличие от совместного творчества их совместная жизнь гладкой не была. Еще одна легенда о жизни Стиви Уандера на сей раз анекдотического свойства. Рассказывали, что наутро после первой брачной ночи он даже не сказал жене «доброе утро», а сразу побежал к синтезатору. А на возмущение Сириты ответил: «Дорогая, синтезатор мне как семья! Как я могу не поделиться с ним своими впечатлениями!»

Естественно, их брак продержался недолго. Сирита быстро поняла, что не сможет конкурировать с синтезатором, но такой «брак втроем» она еще была готова терпеть. Чего она не вынесла, так это временных увлечений Стиви. Жениться в двадцать лет, да еще когда он только начал набирать популярность, для него было явно рановато. К тому же женщины для него были не только средством для удовлетворения его огромного сексуального аппетита, но и музами, вдохновляющими на творчество. Закончилось все прозаически – в один прекрасный день Сирита поймала его в постели с какой-то очередной сладкоголосой девицей, хлопнула дверью и подала на развод.

Расставание с женой далось Стиви нелегко. Увлечения увлечениями, но ее он любил по-настоящему, только вот к серьезным отношениям, как оказалось, был не готов. И хотя они сумели остаться друзьями, переживал он долго и тяжело, что, конечно же, отразилось в его творчестве – в конце 1972 года, уже после развода, вышла пластинка «Talking

Book», сделавшая Стиви трижды лауреатом премии Грэмми и настоящей суперзвездой музыкального небосклона.

Когда мне исполнится 21 год, я собираюсь взять под контроль свою карьеру. Мне кажется, вы меня неважно знаете и плохо представляете, откуда я пришел.

14-летний Стиви Уандер, 1964 год

К этому времени Стиви Уандер уже был совершеннолетним. Легенда гласит, что на следующий же день после вечеринки в честь исполнения ему двадцати одного года на стол «Motown» легло письмо от адвоката, который от имени Стиви сообщал, что все контракты со студией расторгаются. Берри Гордон был в шоке от такой наглости, но у него хватало ума, чтобы понять – с этим юношей нельзя расставаться, надо договариваться. Тем более что до него стали доходить слухи о переговорах Стиви с другими студиями, которые тоже были не прочь прибрать к рукам восходящую звезду.

И они договорились – вскоре был подписан беспрецедентный по тем временам семилетний контракт на сумму в тринадцать миллионов долларов. Стиви выторговал себе значительное повышение процента отчислений, полный контроль над художественной стороной своих записей и основание собственного лейбла «Black Bull Music», что делало его владельцем прав на собственную музыку. Теперь уже никто не мог диктовать ему, что и как петь. Ну, а Гордон, когда его спросили, не слишком ли это много, заявил, что работа со Стиви безусловно стоит этих огромных денег.

Я остаюсь с «Motown», потому что, на мой взгляд, это единственная выжившая, проверенная временем компания в звукозаписывающей индустрии, у которой темнокожий владелец. Это жизненно важно, что в «Motown» эмоционально стабильный внутренний климат, сильный дух и экономическое благосостояние...

После развода и перезаключения контракта со студией Стиви Уандер сильно повзрослел. Перемены произошли не только в его личной и профессиональной жизни, он стал больше интересоваться и жизнью общественной. Его следующий альбом, принесший ему еще три премии и признанный лучшим альбомом года, был не о любви, как обычно, а посвящен социальным проблемам. Причем потряс слушателей он конечно не только темой песен, но прежде всего стилем, музыкой и оригинальными находками. В мелодиях слышится шум проезжающих машин, вой полицейской сирены, защелкивание наручников и лязг тюремных дверей. После этого альбома Стиви стал самым известным чернокожим музыкантом в США.

И тогда же его триумфальный взлет едва не оборвался. Когда он ехал на концерт в Северной Каролине, на его автомобиль упало тяжелое бревно. Стиви получил серьезную травму головы и впал в кому.

Но не для того он прошел через столько испытаний, чтобы позволить какому-то бревну себя победить. Через четыре

дня он пришел в себя, а на память о травме у него остались множественные шрамы после операции и новый альбом, наполненный мотивами смерти. Этот альбом вновь возглавил хит-парады и принес Стиви Уандеру очередные премии Грэмми.

Когда Стиви Уандера спросили: «Сколько всего вы написали песен?» – он ответил: «Трудно сказать. Только тех, которые я так ни разу и не исполнил на публике, наберется около двух тысяч!»

Жизнь продолжалась. Стиви Уандер творил, выдумывал что-то новое, пробовал себя в разных жанрах, по-прежнему смешивая музыку то с личной жизнью, то с общественной деятельностью. Да и как бы он мог этого не делать, если музыка и есть его жизнь? В 1980 году он написал песню «Happy Birthday» специально для кампании за признание дня рождения великого борца за права чернокожих Мартина Лютера Кинга национальным праздником. Несколько лет продолжалась эта борьба, в которой Уандер был одним из самых активных участников, и вот наконец победа – 15 января 1986 года день рождения Мартина Лютера Кинга был объявлен государственным праздником. И одной из центральных фигур торжественного концерта стал, конечно, Стиви Уандер.

В 2006 году он пережил самую тяжелую потерю в своей жизни – умерла его мать, Лула Мэй, так много для него сделавшая и до конца своих дней остававшаяся его главным другом и самым близким ему человеком. В память о ней он

устроил турне по Америке, хотя к тому времени уже двадцать лет как отошел от концертной деятельности. Большая часть прибыли от этих концертов была отправлена в благотворительные фонды.

Он все время что-то придумывает, в чем-то участвует, живет полной жизнью. В 1982 году вышел его дуэт с Полом Маккартни, посвященный гармонизации межрасовых отношений. В 1984 году он написал музыку к комедии Джина Уайлдера «The Woman in Red», за которую получил Оскара. В 2008 году он занял пятое место в списке «100 лучших артистов всех времен». В 2009 году стал посланником ООН. В 2010 году был главной звездой на фестивале Гластонбери в Англии, где отыграл полуторачасовой концерт из двадцати песен перед аудиторией в сто сорок тысяч человек. А не так давно с присущим ему чувством юмора снялся для плаката социальной рекламы против пьянства за рулем – с подписью «Лучше я поведу сам, чем поеду с пьяным водителем!»

Вообще, одной из потрясающих черт Стиви Уандера является то, что он не только не комплексует из-за своей слепоты, но и умудряется то и дело шутить на эту тему. Так, например, когда он споткнулся на лестнице во время участия в мероприятии в поддержку Барака Обамы, то сказал: «Я так засмотрелся на будущую первую леди, что не заметил ступеньки». Не зря в США он является частым героем анекдотов, которые и сам с удовольствием рассказывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.